

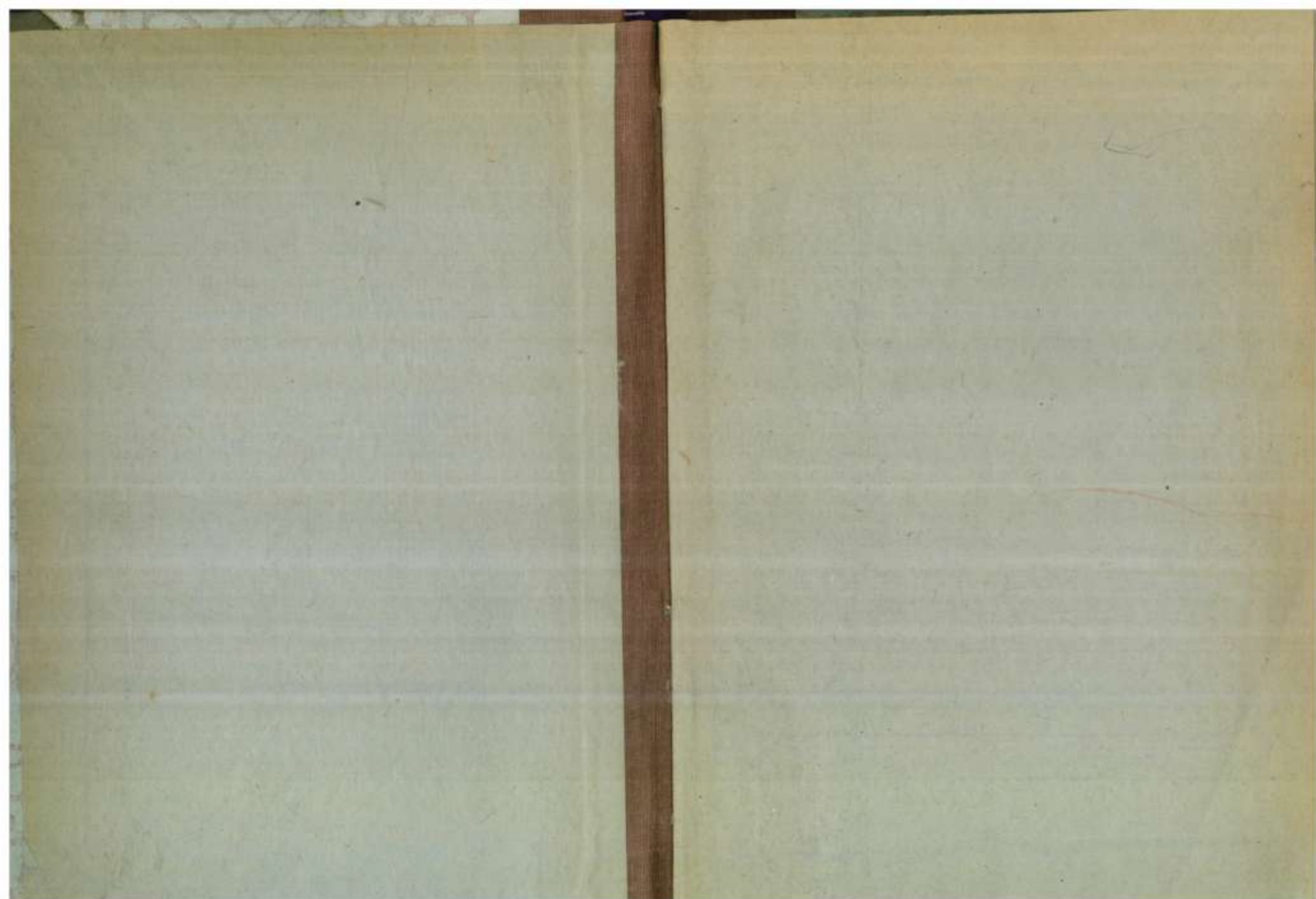
7
9

U $\frac{6}{79}$

2007076855

U $\frac{6}{79}$

*У 6
79.*

Гибель

5го СТРЕЛКОВАГО ПОЛКА

ПОДЪ

МУКДЕНОМЪ.

СОСТАВЛЕНО

ОФИЦЕРАМИ 5-ГО СТРЕЛКОВАГО ПОЛКА,
участниками Мукденскихъ операций.

ЦѢНА 10 К.

Издана В. Береговскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.
1907.

ВЪ СКЛАДѢ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

На поляхъ Маньчжуріи и въ Рос-
сін послѣ войны. С. А. Тулузаковъ. 1906 г. 1 р. —

Воспоминанія изъ русско-японской
войны 1904—1905 гг.
Алексѣй Любимскій съ 72 иллюстр. по фотогр.
снимкамъ 1906 г. 1 р. —

Набѣгъ на Инкоу. Полковника Сетти-
никова. 1906 г. 1 р. —

Стратегическіе набѣги—рейды
кавалеріи въ русско-японскую войну.
А. Усова. 1907 г. — 75 к.

ГАМИЛЬТОНЪ, Сэръ-Янъ, британскій воен-
ный агентъ при арміи

маршала Куроки
штабнаго офи-
цера. Переводъ съ англійскаго генеральнаго
штаба капитана Б. Семёнова. I томъ. 1906 г. 3 р. —

Тоже. Томъ II Печатается.

Великая осада. Портъ-Артуръ и его па-
деніе. Съ иллюстраціями
и чертежами Б. В. НОРРИГААРДЪ, ко-
рреспондентъ при японской арміи. Перевелъ
съ англійск. Борисъ Серебрянниковъ. 1906 г. 2 р. —

Изъ вражескаго етана. Изъ днев-
наго корреспондента при японской арміи РЕ-
ЖИНАЛЬ КАНЪ. 1905 г. — 40 к.

И 6
79

Гибель
5го СТРЕЛКОВАГО ПОЛКА
ПОДЪ
МУКДЕНОМЪ.

СОСТАВЛЕНО
ОФИЦЕРАМИ 5-ГО СТРЕЛКОВАГО ПОЛКА,
участниками Мукденскихъ операций.

Изданъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.
1907.

2316

2007076855

Сиб.—Типографія Э. Аригольда, Литейный пр. № 59.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ частей войскъ, пострадавшихъ подъ Мукденомъ, самая тяжелая участь, безспорно, выпала на долю 5-го стрѣлковаго полка. О полкѣ ходили и ходятъ различные, часто неблагопріятные, толки, которымъ даетъ пищу то обстоятельство, что результаты судебного слѣдствія все еще лежатъ въ архивахъ, а *въ полку до сихъ поръ нѣтъ знамени.*

Виновенъ-ли полкъ въ обрушившемся на него бѣдствіи, заслужилъ-ли онъ свое безчестіе,—о томъ когда-нибудь,—мы уповаемъ на то,—мы услышимъ, наконецъ, авторитетное, безпристрастное слово.

Но въ ожиданіи этого положеніе наше въ глазахъ ни въ чемъ неповиннаго новаго поколѣнія, призваннаго на службу Царю и Родинѣ въ нашъ полкъ, крайне тяжелое...

Мы получаемъ письма и отъ ушедшихъ

въ запасъ стрѣлковъ, въ которыхъ звучить безпокойство за судьбу полка,.... и не можемъ, въ награду за проявленную ими доблесть, успокоить ихъ.

Вотъ причины, почему мы прибѣгаемъ къ печати, чтобы представить дѣйствительную картину боевой дѣятельности и гибели полка.

Офицеры 5-го стрѣлковаго полка, участники Мукденскихъ операций:

Подполковникъ *Кременецкій.*

Капитаны: *Утиофъ.*

Меньшиковъ.

Деминъ.

Шаравскій.

Мартиновъ.

Штабсъ-Капитанъ *Гурскій.*

Поручики: *Унфукъ.*

Никитчукъ.

Баумартенъ.

Подпоручикъ *Фіалковскій.*

Гибель 5-го стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ.

Послѣ январскихъ боевъ полкъ входилъ въ составъ отряда начальника 2-й стрѣлковой бригады, г.-м. Петрова, и занималъ д. Ченіюпао, на крайнемъ правомъ флангѣ 2-й арміи.

Дѣйствія полка отъ начала Мукденскихъ боевъ до 21-го февраля, вкратцѣ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

16-го февраля съ утра началась усиленная бомбардировка д. Ченіюпао.

Около 12 ч. дня японцы повели атаку, которая была отбита. Къ вечеру непріятель залегъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нашихъ окоповъ. Ожидали ночной атаки, а потому были въ полной готовности.

Около 10 ч. вечера секреты, тѣснимые противникомъ, возвратились въ окопы; вслѣдъ затѣмъ послѣдовала атака, отбитая

ружейнымъ огнемъ. Приготовились встрѣтить новую, какъ вдругъ, около 12 ч. ночи, получили приказаніе немедленно отступить...

Всѣ наши труды по укрѣпленію деревни, въ которой, по увѣренію начальства, мы должны были умереть, пропали даромъ.

Всю ночь мы двигались въ обстановкѣ, которую легко себѣ представить, если къ явленіямъ природы—холоду и тьмѣ—прибавить отсутствіе диспозиціи и картъ...

Отступая все время, *17-го февраля* имѣли привалъ у д. Матурань.

Здѣсь, около 4 ч. дня, не объяснивъ задачи, насъ двинули въ бой. (Мы, совмѣстно съ 7-мъ стрѣлковымъ полкомъ, подъ общей командой полковника Розеншильдъ-Паулина, должны были занять прорывъ, образовавшійся въ боевой линіи на высотѣ дер. Тоутайцзы-Юдзяуона [Потайцзы]).

У д. Потайцзы мы попали подъ сильный фланговый артиллерійскій огонь.

Изъ строя выбыли ранеными капитанъ Виницкій и поручики Макаровъ и Ставровскій и были контужены, но остались въ строю, капитаны Утгофъ, Мартыновъ и Меньщиковъ.

Нижнихъ чиновъ убито 2 и ранено 29.

Не сойдясь съ непріателемъ на разстояніе дѣйствительнаго ружейнаго огня, мы, по приказанію начальника 2-й стрѣлковой бригады, въ 8 час. вечера должны были отступить къ ст. Суходяпу для отправки по желѣзной дорогѣ на ст. Фушитай.

Это приказаніе въ 6 ч. веч. было привезено казакомъ и съ нимъ же отправлено къ полк. Розеншильдъ-Паулину, но почему-то къ нему не попало, что впоследствии дало поводъ обвинять полкъ въ самовольномъ якобы отступленіи.

Вслѣдствіе этого приказанія, около 8 ч. вечера полкъ, за исключеніемъ 1-й и 2-й ротъ, задержанныхъ полк. Розеншильдъ-Паулиномъ, отошелъ и къ 10 ч. веч. сосредоточился у д. Даваньганьпу.

Въ 10 ч. веч. получилось повторное приказаніе отступать на ст. Суходяпу и въ то-же время отъ полковника Р.-Паулина прибылъ офицеръ, съ требованіемъ двинуться обратно, — какъ объяснилъ офицеръ,—на смѣну утомленному 7 полку.

Командиръ полка отправилъ донесеніе командиру Сводно-стрѣлковаго корпуса, съ просьбой разъяснить, которое изъ этихъ разнорѣчивыхъ приказаній исполнять,

Приказано было на мѣстѣ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Ночь простояли въ полѣ, въ полной готовности.

Въ 4 ч. ночи получено было приказаніе поступить въ распоряженіе начальника 1-й стрѣлковой бригады г.-м. Домбровскаго.

Къ 7 ч. утра 18-го собрались на сборномъ пунктѣ у ст. Даваньганьпу и двинулись къ ст. Суходяпу, куда прибыли около полудня. Въ 4 ч. дня продолжали путь къ д. Сатхоза, куда, двигаясь весь вечеръ и ночь, прибыли къ 5 час. утра и стали на привалъ.

Не успѣли мы расположиться, какъ около 7 ч. утра (19-го февраля), т. е. спустя часа два по прибытіи, по приказанію генерала Домбровскаго, отправились занимать позицію у Угольнаго разъѣзда, для защиты складовъ.

Здѣсь, въ ожиданіи противника, окапывались и простояли въ полной готовности до 8 ч. утра 20-го числа.

20-го, около 8 ч. утра, по приказанію изъ штаба 3-й арміи, полкъ двинулся въ Мукденъ и поступилъ въ составъ стратегическаго резерва Главнокомандующаго.

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, полкъ переходилъ изъ рукъ въ руки и мотался днями и ночами, частью съ боемъ, частью — выполняя тяжелыя саперныя работы, пока, наконецъ, не прибылъ въ Мукденъ.

Ночь съ 20-го на 21-е полкъ провелъ спокойно на бивакѣ около вокзала.

21-го, въ 6 час. утра, командиръ полка получилъ отъ начальника стратегическаго резерва сообщеніе, что Главнокомандующій приказалъ сформировать рекогносцировочный отрядъ, начальникомъ котораго назначенъ изъ штаба Главнокомандующаго генеральнаго штаба подполковникъ Циховичъ. При этомъ велѣно не дробить частей, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ отрядѣ не было ни одного полковника.

Въ силу этого распоряженія, въ отрядъ были назначены: 5-й стрѣлковый полкъ, 2-хъ баталіонный Сводно-сибирскій полкъ, въ составъ котораго входило по одной ротѣ отъ 8 сибирскихъ частей, батарея 29-й артиллерійской бригады и 1 сотня казаковъ.

Несмотря на протесты командира 5-го полка, полковника Романовскаго, ему пришлось оставить полкъ, сдавъ его баталіон-

ному командиру, подполковнику Кременецкому.

Въ 8 ч. утра отрядъ былъ выстроенъ и въ ожиданіи новаго начальника простоялъ до 11 часовъ.

Наконецъ, появился подполковникъ Циховичъ. Онъ поздоровался съ отрядомъ и вызвалъ впередъ всѣхъ офицеровъ. Здѣсь онъ подробно изложилъ предстоящія дѣйствія, сущность которыхъ заключалась въ занятіи д. Сантайцзы для защиты Мукдена съ сѣвера и закончилъ свое объясненіе слѣдующими словами:

«До сихъ поръ всѣ наши неудачи происходили оттого, что ни офицеры, ни солдаты не умѣютъ сражаться, недостаточно стойки и часто отступаютъ безъ приказанія. Я этого не допущу и каждому изъ васъ, кого увижу отступающимъ, пушу пулю въ лобъ: на это мнѣ дано право Главнокомандующимъ.

Такъ-же совѣтую вамъ поступать и съ нижними чинами. Кромѣ того, для успѣха дѣла необходимо, чтобы каждый солдатъ зналъ свой маневръ, а потому извольте каждый разъ объяснять задачу всѣмъ солдатамъ. Карты у васъ есть?»

Оказалось, что на весь отрядъ не было ни одной карты.

«Странно,—замѣтилъ подполковникъ Циховичъ,—а у насъ въ штабѣ ихъ сколько угодно».

Въ штабъ былъ посланъ казакъ съ приказаніемъ привезти 30 экземпляровъ картъ, которыя и были доставлены черезъ полчаса...

А между тѣмъ мы до сихъ поръ бродили съ завязанными глазами!..

Впечатлѣніе, произведенное тономъ и содержаніемъ рѣчи молодого подполковника къ офицерамъ, которыхъ онъ видѣлъ впервые и которые предыдущими дѣйствіями не заслуживали такого предупрежденія, не нуждается, конечно, въ комментаріяхъ.

Между случайнымъ начальникомъ и подчиненными сразу же установились недоброжелательныя отношенія...

Во исполненіе отданнаго намъ приказанія мы направились объяснять задачу стрѣлкамъ и въ это-же время начальника отряда потребовали къ Главнокомандующему; поэтому приказано было составить ружья.

Черезъ часъ онъ вернулся и объявилъ, что данная намъ задача отмѣняется и что

мы на мѣстѣ будемъ ждать приказаній. Привезли обѣдъ.

Съ трудомъ удалось убѣдить начальника отряда дать людямъ поѣсть. Но едва успѣлись, какъ онъ началъ торопить. Въ результатѣ, не дали пообѣдать и приказали вылить пищу и строиться.

Узнаемъ новую задачу: идти въ д. Ташичао на выручку отряда полковника Запольскаго.

Не успѣли мы объяснить это нижнимъ чинамъ, какъ послѣдовала отмѣна. Приказано было составить ружья и ждать дальнѣйшихъ распоряженій, а начальникъ отряда опять отправился въ штабъ Главнокомандующаго.

Спустя часъ, онъ вернулся и, уже не объясняя задачи, повелъ насъ въ д. Хоуха.

Но едва мы туда прибыли и начали становиться бивакомъ, какъ было получено приказаніе командующаго 2-й арміей передвинуться къ д. Матюанза и стать зачѣмъ-то бивакомъ тамъ.

Такъ мы и не узнали, въ чемъ заключается нашъ маневръ!

Вслѣдъ за нами прибылъ въ д. Матюанзу въ составъ нашего отряда только что вы-

садившійся изъ вагоновъ 10-й стрѣлковый полкъ и еще одна батарея.

Командиръ этого полка, полковникъ Мисевичъ, объявилъ намъ, что командующій 2-й арміей предоставлялъ ему, какъ старшему, вступить въ командованіе отрядомъ, «но въ виду того, — сказалъ онъ, — что воля Главнокомандующаго, чтобы отрядомъ командовалъ подполковникъ Циховичъ, то я и подчиняюсь ему».

Благодаря этой вынужденной предупредительности, между старшимъ персоналомъ нашего отряда установились ненормальныя отношенія: являвшихся съ приказаніями и донесеніями подполковникъ Циховичъ направлялъ къ полковнику Мисевичу, а этотъ послѣдній къ первому...

Послѣ остановки въ д. Матюанза 1-й баталіонъ 5-го полка былъ назначенъ въ дежурную часть, изъ которой, около 6 час. вечера, было приказано выдѣлить 2 роты для занятія люнета и редута юго-западнѣе Матюанзы, на смѣну 33-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

22-го февраля, въ 7 часовъ утра, нашъ и Сводно-Сибирскій полки построились, что-

бы идти атаковать д. Юхуантунь, но тогда же последовала оттепель.

Вслед за этим 2-й батальон был наряжен для приведения д. Цегуантунь в оборонительное состояние, что и производил под артиллерийским огнем.

Часа в 3 дня отряд построился снова и отправился, согласно приказа, брать дер. Юхуантунь.

Выйдя из Матюанзы, отряд перешел в боевой порядок, причем 5-й и Сводный полки были назначены в 1-ю линию, а 10-й, под командой своего командира, полковника Мисевича, — в резерв.

Всем отрядом командовал подполковник Циховичъ.

Обстреливаемый редким артиллерийским огнем, отряд, словно на смотру, развернулся и, не доходя 1 версты до Юхуантуня, где в это время шел горячий бой, был остановлен. На этом месте мы простояли 1½ часа. Сюда приезжал Главнокомандующий и здоровался с частями.

Так как д. Юхуантунь была взята Сибирскими стрелками, то мы возвратились в Матюанзу.

2-й батальон снова был назначен на

работы в Цегуантунь, а 1-й — в дежурную часть.

Работа в мерзлом грунте, при отсутствии кирок и мотыг, сильно утомляла людей, представляя из себя неимоверные трудности. Поздно вечером работа была окончена и 2-й батальон вернулся на бивак, а Сводный полк сменил 1-й батальон.

23-го февраля, в 6 ч. утра, отряд двинулся в д. Тахентунь, с целью оборонять ее. В авангард пошел 5-й полк с батареями.

Вот уже целую неделю мы бродили без всякой пользы. Кругом нас слышался грохот битвы, но нам, после 17-го февраля, ни разу не пришлось принять активного участия... Думалось, что уж теперь идем не даром...

И действительно, пройдя деревни Хоуха и Сахедзы, до колонны стала доноситься артиллерийская канонада с севера, со стороны д. Падяза.

То шел жестокий бой в отряд полковника Запольского...

На встречу нам скакал от него ординарец с просьбой о поддержке.

Подполковникъ Циховичъ назначилъ баталіонъ Сводно-Сибирскаго полка, а мы, около 9 ч. утра, заняли д. Тахентунь.

Вскорѣ отъ полковника Запольскаго прискакалъ офицеръ съ просьбой прислать патроны, для чего былъ посланъ унтеръ-офицеръ Васюковъ съ 8 патронными двуколками.

Этотъ отважный унтеръ блистательно выполнилъ задачу, подвозя все время патроны въ самую цѣпь, сильно обстрѣливаемую огнемъ японцевъ.

Между тѣмъ полкъ занялъ сѣверную и сѣверо-западную опушки д. Тахентунь и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, сталъ окапываться.

Но вотъ со стороны д. Падяза огонь усиливается...

Мы видимъ, какъ въ безпорядкѣ, подъ убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ, отступаютъ части отряда Запольскаго...

Часть ихъ направляется къ намъ, другая — на д. Паодянтунь, думая, что и она занята нашими, какъ вдругъ японцы, подпустивъ ихъ шаговъ на 400, открываютъ артиллерійскій и ружейный огонь...

Мы были свидѣтелями этой ужасной

бойни и... ничѣмъ не могли помочь несчастнымъ.

Наша артиллерія открыла было огонь, но не могла нащупать прекрасно укрытой японской батареи.

Между тѣмъ деревня наполнилась солдатами отряда убитаго въ этомъ дѣлѣ полковника Запольскаго. Раненые ползли къ намъ со всѣхъ сторонъ...

Вся эта картина производила потрясающее впечатлѣніе...

Чтобы удержать напоръ непріятеля, который, какъ мы думали, воспользуется обстоятельствами и не замедлитъ ударить на насъ, работы по укрѣпленію деревни стали производиться интенсивнѣе.

Надо замѣтить, что земляныя работы въ періодъ Мукденскихъ боевъ представляли изъ себя каторжный трудъ.

Земля была мерзлая и кое-какъ, раздобывши 16 мотыгъ у артиллеристовъ, намъ удалось за день и ночь соорудить къ утру 24-го нѣкоторое подобіе окоповъ, благо непріятель ничего противъ насъ не принималъ.

Вечеромъ къ намъ на позицію прибылъ вновь назначенный начальникъ отряда,

начальникъ 3-й стрѣлковой бригады, г.-м. Соллогубъ, съ начальникомъ штаба, полковникомъ Максимовскимъ.

Ночь стояла холодная, темная.

Всю ночь провели въ полной готовности и, какъ сказано выше, производили саперныя работы.

24-го съ утра поднялся вѣтеръ, который къ часамъ 11 разыгрался въ пыльную бурю, не позволявшую видѣть дальше 50 — 100 шаговъ. Чтобы не прозѣвать непріятеля, послали впередъ секреты.

Въ этотъ день утромъ прибылъ, наконецъ, къ полку командиръ полка, полковникъ Романовскій, получившій отъ генерала Лауница разрѣшеніе принять полкъ.

Изъ этого эпизода мы узнали, что генералъ Лауницъ—нашъ начальникъ...

Мы совершенно не были ориентированы въ окружающей обстановкѣ и не знали, кто у насъ справа, кто слѣва, кто сзади. Одно было внушено намъ твердо,—ни въ коемъ случаѣ не переходить въ наступленіе...

Около часу дня привезли обѣдъ.

Не успѣли разлить по котелкамъ пищу, какъ секреты донесли о наступленіи про-

тивника. Но это наступленіе было остановлено ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ, моментально занявшихъ свои мѣста.

Японцы залегли шагахъ въ 500, продолжая все время насъ обстрѣливать.

Пользуясь пургою, они нѣсколько разъ пытались перейти въ атаку, но каждый разъ мы ихъ отбивали.

Около 6 час. вечера они отступили въ д. Падяза и Паодянтунъ.

Потери въ этотъ день были, сравнительно, невелики. Убиты были—командующій 8 ротой подпоручикъ Аквилевъ и 5 нижнихъ чиновъ и около 50 человѣкъ ранено.

Въ виду непосредственной близости противника и возможности ночной атаки, были посланы впередъ секреты, а люди оставались въ окопахъ въ полной готовности, стараясь исправить по части укрѣпленія позиціи пробѣлы, обнаруженные днемъ.

Нечего и говорить о сильномъ физическомъ утомленіи отряда, благодаря бою, безсонницѣ, работамъ, а отчасти и голоду.

Ночью непріятель тремя колоннами, въ общемъ силою до 3-хъ баталіоновъ, повелъ наступленіе въ промежутокъ между д. Та-

хентунъ и Сантайцзы на Императорскія могилы; но залповымъ огнемъ частей, занимавшихъ Императорскую рощу, и затѣмъ контръ-атакой ихъ, при содѣйствіи праваго фланга нашего полка, колонны эти были уничтожены.

На разсвѣтъ наши охотники и дозоры і роты продолжали еще преслѣдовать разсѣявшагося непріятеля; ими было приведено около 50 плѣнныхъ.

Впослѣдствіи оказалось, что около 1½ ротъ японцевъ, пользуясь темнотою, добрались до Императорской рощи, гдѣ застѣли въ кумирнѣ, изъ которой ихъ не удалось выбить.

Ночью баталіонъ Сводно-Сибирскаго полка былъ взятъ къ Императорскимъ могиламъ, а вмѣсто него прибыли 3 роты Болховскаго полка.

На разсвѣтъ 25-го было замѣчено, что за ночь японцы сдѣлали закрытія изъ земляныхъ мѣшковъ, шагахъ въ 1000 — 1200 впереди нашего расположенія.

По нимъ тотчасъ былъ открытъ огонь, на который они стали отвѣчать.

Вскорѣ открылась и сильная артиллерійская стрѣльба, продолжавшаяся весь день.

Снаряды рвались въ огромномъ количествѣ. Въ воздухѣ стоялъ удушливый запахъ шимозъ. Деревня вся была разрушена и то тамъ, то здѣсь загоралась...

На ружейный огонь уже никто не обращалъ вниманія...

Между тѣмъ японцы начали охватывать нашъ лѣвый флангъ и поражать продольнымъ ружейнымъ огнемъ расположеніе 7 и 8 ротъ.

8-я рота несла страшныя потери. Въ числѣ раненыхъ былъ командовавшій этою ротою подпоручикъ Баумгартенъ. Начальникъ участка, подполковникъ Кременецкій, просилъ 10-й полкъ, стоявшій шагахъ въ 1000 уступомъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ, выдвинуть роту, чтобы обезпечить поражавшійся флангъ, что и было исполнено.

Общее число убитыхъ и раненыхъ въ этотъ день въ Тахентунѣ превосходило 500 человекъ.

Въ числѣ убитыхъ былъ командиръ 3-й роты, капитанъ Орпишевскій.

Несмотря на потери, стрѣлки держались великолѣпно. Мы ими положительно любовались. Полнѣйшее спокойствіе, хладнокровіе и пренебреженіе опасностью часто заставляло офицеровъ покрикивать, чтобы

они зря не рисковали жизнью. Видимо, они щеголяли своею храбростью, да и было отчего: накануне еще офицеры, прочитавъ «Вѣстникъ Маньчжурскихъ армій», объявили имъ, что успѣхъ на всѣхъ пунктахъ склоняется на нашу сторону. Яростныя атаки, которыя въ этотъ день японцы вели на насъ, каждый разъ отбивались.

Мы видѣли неуспѣхъ противника, мы вѣрили въ силу русской арміи и въ душу невольно проникало гордое сознание, что и мы внесемъ свою лепту въ общій успѣхъ... *)

Но вотъ, послѣ 1 часу дня мы перестаемъ слышать пальбу нашей артиллеріи, стрѣлявшей черезъ наши головы, и не можемъ понять ея молчанія...

*) О настроеніи стрѣлковъ въ это время въ «ротной памятке» 3-й роты, составленной фельдфебелемъ 3-й роты Цыковымъ, находятся слѣдующія строчки: «Артиллерійскій огонь все усиливается... Шимозы и шрапнели буквально засыпали насъ. Держаться въ цѣли было невозможно и я послалъ (ротный командиръ былъ убитъ) объ этомъ донесеніе подполковнику Кременецкому, но въ отвѣтъ была получена записка съ краткимъ содержаніемъ: «Держаться, во что бы то ни стало».

Съ этого момента мы твердо рѣшили умереть на мѣстѣ. Съ этою мыслью люди забывали объ опасности: они становились «съ кохѣна» и «стоя» и мстили за своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей. Въ это время мы были увѣрены, что японцы никогда не выбьютъ насъ изъ занимаемаго мѣста, и не выбили-бы, если бы не это противное отступленіе...

Мы тогда не знали, что между 1 ч. и 3 ч. дня она ушла; мы не знали, что 1-й Сибирскій корпусъ, подъ нашимъ прикрытіемъ, отступилъ за линію желѣзной дороги и что потому нашъ лѣвый флангъ оголился; что въ д. Хоуха уже непріятель, что вправо отъ насъ, Сантайцзы, сзади — Императорская роша и, наконецъ, самый Мукденъ уже въ рукахъ японцевъ...

Генерала Соллогуба и подполковника Циховича съ утра 24-го въ Тахентунѣ не было. Они перѣехали въ д. Ладифынь. Назначенный начальникомъ боевой линіи полковникъ Максимовскій находился все время съ нами.

Приказаніе объ отступленіи, полученное въ 4 ч. 20 м. дня, было помѣчено 2 ч. дня...

Почему оно изъ д. Ладифынь, лежавшей отъ насъ всего въ полуверстѣ, шло цѣлыхъ 2 ч. 20 м. и кто виновникъ этой роковой для отряда и нашего полка проволоочки, — до сихъ поръ осталось невыясненнымъ.

Спрашивается, что могли мы сдѣлать въ послѣдствіи, если съ первыхъ же шаговъ, не ориентированные въ обстановкѣ, безъ диспозиціи или хоть опредѣленнаго приказанія, наконецъ безъ картъ даннаго района,

мы были брошены на произволъ судьбы въ середину тѣхъ армій противника, передъ которыми третьи сутки отступали всѣ 3 нашихъ армій?..

Итакъ, послѣ часу дня наша артиллерія замолчала. Японцы еще нѣсколько разъ ходили въ атаку, но каждый разъ ихъ отбивали.

Вдругъ по рядамъ пронеслось извѣстіе, что приказано отступить...

«Какъ отступать? Развѣ мы здѣсь плохо стоимъ?» — раздались вопросы въ рядахъ стрѣлковъ.

Дѣлать было нечего.

Во исполненіе приказанія, въ 5 ч. вечера полкъ сталъ отходить на сѣверную опушку роши Императорскихъ могилъ, куда двинулся вслѣдъ за 10 полкомъ.

Во время отступленія началась по насъ сильная артиллерійская и ружейная стрѣльба и со стороны д. Падяза и Паодянтунъ, и изъ Сантайцзы, и—совершенно неожиданно—изъ д. Хоуха и изъ роши, т. е. оттуда, куда мы должны были отступать.

Въ это время полкъ несъ большія потери убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ подпоручикъ Чурсинъ.

Полковникъ Максимовскій, принявшій, за отсутствіемъ генерала Соллогуба, командованіе отрядомъ, далъ новое направленіе, — на южную опушку роши и далѣе къ линіи желѣзной дороги.

Отступленіе прикрывали 2-я рота нашего полка, подъ командой кап. Шаравскаго, и одна рота 10-го полка. Баталіонъ японцевъ, двигавшійся шагахъ въ 400 параллельно нашей колоннѣ, дѣлалъ знаки, предлагая положить оружіе, но въ отвѣтъ имъ наши въ свою очередь тоже предлагали сдаться.

Эти переговоры закончились перестрѣлкой.

Отступать пришлось черезъ болото, на которомъ во многихъ мѣстахъ виднѣлись проталины, такъ что приходилось перепрыгивать съ кочки на кочку.

Это обстоятельство нарушило порядокъ движенія. Части перепутались, и стоило кому-то крикнуть: «Кавалерія!» — какъ въ хвостѣ колонны обнаружилась паника; но усиліями офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ оказавшійся среди Болховцевъ подполковникъ Циховичъ, порядокъ былъ восстановленъ.

Обойдя рошу, нашъ полкъ остановился,

чтобы подтянуться. Такъ какъ отъ 8-й роты осталось послѣ Тахентуня только 14 человекъ, то эти остатки присоединили къ 7-й ротѣ. Офицеровъ не хватило на всѣ роты: ихъ было только 6 человекъ. Поэтому 3-й ротой командовалъ фельдфебель.

Двинулись дальше и дошли до линіи ж. д., южнѣе д. Вазые.

Здѣсь, по дорогѣ изъ Мукдена, шли толпы солдатъ разныхъ частей; нѣкоторые изъ нихъ были пьяны и многіе безоружны. Втискиваясь въ наши ряды, они рассказывали разные ужасы: что Мукденъ занятъ непріятелемъ, что мы окружены, что многіе полки уже сдались и, вообще, всякій вздоръ, вредно дѣйствовавшій на духъ нашего отряда.

И здѣсь надъ хвостомъ нашей колонны рвалась шрапнель, а слѣва, со стороны Вазые, доносилась ружейная стрѣльба и тахтѣнье пулеметовъ.

Темнѣло. По распоряженію полковника Максимовскаго мы двинулись черезъ полотно ж. д. на Мандаринскую, по которой предполагали двигаться на сѣверъ. Впереди шли роты Болховскаго полка, за ними 5-й полкъ, а въ хвостѣ—10-й.

Вѣрнаго направленія никто не зналъ. Мы шли черезъ вспаханныя поля, перелѣзали черезъ заборы, спотыкаясь и падая въ темнотѣ.

Кое-какъ добрались до Мандаринской дороги. Вся она была запружена арбами бѣгущихъ китайцевъ и отступающимъ отъ Мукдена 10 стрѣлковымъ полкомъ, который былъ включенъ полковникомъ Максимовскимъ въ составъ нашего отряда.

На совѣтѣ командировъ частей было рѣшено двигаться дальше по Мандаринской дорогѣ.

Пошли въ слѣдующемъ порядкѣ: 19-й полкъ, Болховской, 5-й и 10-й полки.

Было уже настолько темно, что задніе видѣли только тѣхъ, кому шли въ затылокъ.

Пройдя, судя по времени, около 4 верстъ, мы сошли съ дороги и стали подаваться все правѣе и правѣе, оставивъ въ сторонѣ какую-то горящую деревню, и, наконецъ, остановились.

Когда командиръ нашего полка прошелъ впередъ узнать причину остановки, то оказалось, что хвостъ Болховскаго полка оторвался отъ своихъ, оттертый втесавшимися

въ ихъ ряды нижними чинами постороннихъ частей.

Всѣ попытки найти ушедшую впередъ часть колонны, оказались тщетными, а потому командиры 5-го и 10-го полковъ стали совѣщаться, какъ поступить дальше. Подполковникъ Циховичъ, который теперь оказался при 10 полку, тоже принялъ участіе въ совѣщаніи.

Онъ все еще считалъ себя начальникомъ отряда и даже позволилъ себѣ кричать на полковника Романовскаго, но остановленный имъ, предлагалъ вернуться къ горящимъ фанзамъ и стать тамъ бивакомъ, съ тѣмъ, чтобы утромъ идти къ Императорскимъ могиламъ для прикрытія отступленія 1-го Сибирскаго корпуса, который, по его мнѣнію, былъ гдѣ-то еще на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи... Въ результатѣ, было рѣшено вернуться къ горящимъ фанзамъ, чтобы тамъ обсудить положеніе.

Совѣтуясь съ офицерами о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и сопоставивъ различныя данныя, какъ-то: занятіе японцами Мукдена, приказаніе объ отступленіи и, наконецъ, сопровождавшую отрядъ обстановку,—командиры пришли къ заключенію, что пред-

ложеніе Циховича—абсурдъ и что самъ онъ совершенно не понимаетъ обстановки.

Но онъ упрямо стоялъ на своемъ—идти къ Императорскимъ могиламъ.

По поводу предложенія полковника Романовскаго — двигаться на сѣверъ, на выстрѣлы, онъ почему-то иронически замѣтилъ:

«Спѣшите въ Телинъ—сухари ѣсть».

Съ предложеніемъ двигаться на выстрѣлы не согласился, однако, полковникъ Мисевичъ. Онъ указалъ на то обстоятельство, что патроны на исходѣ и что люди настолько утомлены, что разсчитывать на какой-либо успѣхъ нѣтъ никакихъ шансовъ.

Поэтому было принято рѣшеніе—идти на востокъ, въ обходъ зашедшихъ съ запада японцевъ. Мы, конечно, не знали, что непріятель надвинулся уже и съ востока.

На всякій случай передъ выступленіемъ 4-ю ротою 5-го полка была произведена рекогносцировка на сѣверъ. Оказалось, что дорога и лежащая по обѣи стороны деревни заняты большими силами непріятеля съ артиллеріей и пулеметами.

Это окончательно утвердило въ рѣшеніи идти на востокъ.

Такъ какъ плановъ и картъ у насъ не было, то въ движеніи рѣшили руководствоваться полярной звѣздой...

Эта досадная проволочка съ возвращеніемъ къ горящимъ фанзамъ и словопререніями заняла, въ общемъ, часа 3 времени; имѣя ихъ въ своемъ распоряженіи, мы на три часа удлиннили бы ночной маршъ и, кто знаетъ, къ разсвѣту, пожалуй, вышли бы изъ заколдованнаго круга...

Между тѣмъ, непріятель, видимо, слѣдилъ за нами. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ его дозорами, сигнализировавшими фонарями.

Воспользовавшись остановкой, усталые, голодные, изнуренные бессонницей, боемъ и движеніемъ и упавшіе духомъ, стрѣлки дремали между ружьями, кутаясь, кто какъ могъ. Ночь была холодная, морозная.

Едва мы двинулись, какъ откуда-то раздалась два ружейныхъ выстрѣла; вслѣдъ за ними взвились три сигнальных ракеты. Загрохотали орудія, затрещали пулеметы и ружья...

Однако, огонь не наносилъ намъ никакого вреда, изъ чего мы заключили, что стрѣляли не по нашей колоннѣ.

По пути слѣдованія насъ сопровождали огни сигнальных фонарей, блеянье овецъ (очевидно условный знакъ), загорались фанзы и костры...

Мрачно, угрюмо мы брели.

На душѣ было тяжело...

Всѣ, до рядового стрѣлка включительно, понимали, что никто толкомъ нами не руководить и что мы идемъ наудачу.

Передъ выступленіемъ командиръ полка приказалъ перенести знамя къ 5-й ротѣ, передавъ командиру ея, штабсъ-капитану Гурскому, чтобы въ случаѣ крайности уничтожили его.

Въ головѣ колонны двигалась 2-я рота 5-го полка, подъ командой капитана Шаравскаго, принявшаго на себя обязанности колонновожатаго. За 2-й ротой — 5 ротъ 5-го полка, за нимъ 10-й и, въ видѣ арьергарда, 4-я рота 5-го полка, подъ командой капитана Мартынова.

Шли, избѣгая дорогъ и деревень, лавируя между множествомъ непріятельскихъ огней, обозначающихъ ихъ биваки или сторожевыя части.

Всѣ были до крайности изнурены. Не успѣвали остановиться на привалъ, какъ

люди ложились на землю и тотчас же раздавался храпъ.

Выступая изъ Тахентуни, мы имѣли въ строю немногимъ болѣе половины состава. При отступленіи къ Императорской рощѣ потеряли убитыми и ранеными еще много людей. Теперь и послѣдніе остатки полка постепенно таяли, оставляя по пути выбившихся изъ силъ стрѣлковъ и обозначая мѣста остановокъ спящими людьми, незамѣченными въ темнотѣ.

Между тѣмъ, движеніе представляло изъ себя неимоверныя трудности.

Мы шли теперь въ гористой мѣстности, то взбираясь на крутыя горы, то спускаясь съ обрывовъ, цѣпляясь за кусты и камни. Задніе не поспѣвали за передними, отставали на привалахъ и такимъ образомъ колонна разорвалась на нѣсколько частей.

Чуть-ли не на первомъ привалѣ оторвался 10-й полкъ, а съ нимъ—шедшая въ хвостѣ колонны 4-я рота нашего полка.

При дальнѣйшемъ движеніи, 5-я рота оторвалась отъ 1-го баталіона, а отъ 6-й—часть людей со слѣдовавшей за нею 7-й ротой.

Мысль о значительности пройденнаго за

ночь разстоянія сильно насъ подбодрила и мы въ каждомъ встрѣчномъ бивакѣ надѣялись найти своихъ.

Такъ, на послѣднемъ ночномъ привалѣ мы увидѣли въ лощинѣ множество огней. Капитанъ Шаравскій, ведшій все время колонну, пошелъ на рекогносцировку, но оказалось, что это были японцы.

Принявъ немного вправо, мы продолжали движеніе.

Однако, они насъ замѣтили и сторожевой фонарикъ, приблизившійся къ намъ, двигался параллельно колоннѣ довольно продолжительное время.

Чуть забрезжилъ свѣтъ.

Только что голова колонны взобралась на одинъ изъ горныхъ гребней, какъ съ разстоянія 100 — 150 шаговъ, по ней открылся пачечный огонь.

Неожиданность огня и стоны раненыхъ такъ подѣйствовали, главнымъ образомъ, на пристроившихся къ полку, наполовину безоружныхъ, нижнихъ чиновъ чужихъ частей, что они, съ крикомъ: «Бьютъ насъ!» бросились назадъ, но такъ же неожиданно раздавшаяся энергичная команда подполковника Кременецкаго сразу водворила по-

рядокъ. Съ крикомъ «ура» онъ бросился внизъ по скату, увлекая за собою стрѣлковъ. Вначалѣ атаки стрѣльба продолжалась, но, не дождавшись удара, японцы быстро отступили, очистивъ гребень, занятый нами.

Со слѣдующаго гребня вновь открылся огонь. Опять съ крикомъ «ура» бросились на врага, но тутъ уже силы оставили совершенно: чтобы влѣзть на гребень, стрѣлки сбросили съ себя все, что могли и, кое-какъ добравшись до цѣли, легли въ полномъ изнеможеніи...

По отступившимъ японцамъ открыли огонь оставшіеся назади стрѣлки 3-й роты, подъ командою капитана Меньщикова.

Вдругъ къ отдыхавшимъ послѣ атаки офицерамъ подъѣхалъ казакъ и доложилъ, что подполковникъ Циховичъ требуетъ ихъ къ себѣ...

«Скажи, что я не пойду», — мрачно заявилъ капитанъ Шаравскій.

Но тутъ появился самъ Циховичъ.

Онъ громко звалъ къ себѣ офицеровъ и, видимо, волновался.

Чтобы не возбуждать толковъ среди нижнихъ чиновъ, подполковникъ Креме-

нецкій поднялся и, тяжело ступая, направился къ нему навстрѣчу.

Тономъ начальника Циховичъ приказалъ Кременецкому командовать цѣпью, человекъ въ 15—20, которыхъ онъ расположилъ за гребнемъ, подъ командой унтеръ-офицера Носовца.

«Если вы находите, что унтеръ-офицера мало, то можете и сами командовать,—вы такой-же офицеръ, какъ и я; тѣмъ болѣе, что вы въ атакѣ не участвовали»,—заявилъ Кременецкій и опустился на землю.

Не ожидавшій, вѣроятно, такого отвѣта, Циховичъ замолчалъ и тоже сѣлъ, *vis-à-vis* съ Кременецкимъ.

Поотдаля отъ нихъ, шагахъ въ 15—20, сидѣли участники атаки—капитанъ Шаравскій и приставшіе къ полку—10-го полка подполковникъ Ярошенко и капитанъ Бѣлоцерковецъ.

Между подполковниками Кременецкимъ и Циховичемъ произошелъ разговоръ, который оказался воспроизведеннымъ въ № 56 «Лѣтописи войны съ Японіей», изд. полковника Дубенскаго, г. Красновымъ, конечно, со словъ Циховича. Мы считали бы излишнимъ упоминать о немъ здѣсь, если бы

форма передачи его Циховичемъ не задѣвала чести полка.

Оставляя на совѣсти подполковника Циховича переданное имъ корреспонденту содержаніе разговора, мы удостоверяемъ, что разговоръ этотъ, равно какъ и ссора Циховича съ Кременецкимъ, происходили вполголоса, такъ что ни Шаравскій, ни Ярошенко, ни Бѣлоцерковецъ ничего не слышали и, слѣдовательно, рассказъ Циховича о томъ, что Кременецкій громко предложилъ сдаться, а офицеры 5-го полка (одинъ Шаравскій?) молча согласились — ложь.

Спустя нѣкоторое время, Циховичъ всталъ и, приказавъ цѣпи слѣдовать за собой, повелъ ее вдоль по скату, обращенному къ намъ.

Такъ какъ этимъ онъ ослаблялъ и безъ того слабый отрядъ, то Шаравскій крикнулъ Кременецкому:

— «Остановите его; скажите, что этимъ онъ губить насъ».

Тщетно Кременецкій убѣждалъ его остановиться и обождать остальную часть отряда, — Циховичъ продолжалъ идти дальше.

Въ числѣ раненыхъ въ этой стычкѣ ока-

зался командиръ 1 роты штабсъ-капитанъ Сипайло-Рудницкій.

Когда подобрались ничтожные остатки полка, двинулись дальше.

По дорогѣ былъ уничтоженъ непріятельскій телефонъ и дозоръ.

Отойдя версты 2 отъ пункта атаки, мы остановились передохнуть.

Здѣсь къ полковнику Романовскому подошелъ унтеръ-офицеръ Миняевъ, ушедшій раньше съ подполковникомъ Циховичемъ, и доложилъ, что этотъ штабъ-офицеръ уѣхалъ съ тремя казаками-ординарцами, оставивъ ихъ однихъ.

На вопросъ, куда и почему онъ уѣхалъ, унтеръ-офицеръ Миняевъ доложилъ: «Шли, шли они съ нами, а потомъ остановились и приказали казаку подать его лошадь, сѣли и сказали намъ: «Ну, прощайте, братцы, выпутывайтесь, какъ сами знаете», и хотѣли ѣхать, но казакъ, увидя, что на его лошади уѣзжаютъ, а его самого оставляютъ, сказалъ: «Позвольте и я съ вами сзати, — конь добрый, довезетъ». Такъ и уѣхали».

Вышло, что первымъ покинувшимъ отрядъ и, такимъ образомъ, заслужившимъ

пулю въ лобъ былъ самъ авторъ этого обѣщанія.

Присоединили стрѣлковъ подполковника Циховича и пошли дальше, послѣ того, какъ попытка найти остальные части полка не увѣнчалась успѣхомъ.

Дорога шла большой долиной, окруженной со всѣхъ сторонъ горами.

Долина эта оканчивалась двумя выходами—ущельями, изъ которыхъ лѣвое, по объясненію случившагося тутъ китайца, вело въ Телинъ.

Послѣднее подтверждалось тѣмъ обстоятельствомъ, что при въѣздѣ въ ущелье лежалъ нашъ зарядный ящикъ.

Было рѣшено двигаться по этой дорогѣ на сѣверъ.

Привели въ ясность остатки отряда: получилось 2 роты нашего полка, по 45 рядовъ каждая, командованіе которыми было возложено на капитана Шаравскаго и поручика Никитчука, и одна рота въ 48 рядовъ—изъ приставшихъ къ полку, частью безоружныхъ, нижнихъ чиновъ разныхъ частей.

Командовать этой ротой былъ назначенъ капитанъ 10-го стрѣлковаго полка

Бѣлоцерковецъ и младшими офицерами—подпоручики: Великолущкаго полка Волковский и Юрьевского—(кажется Бѣляевъ).

Лишь только прошли въ ущельѣ шаговъ 500—600, какъ по ротамъ былъ открытъ слѣва пачечный огонь.

Ни развернуться, ни выбить непріятеля изъ занятой имъ вдоль гребня неприступной позиціи было нельзя.

Поэтому на противоположный, болѣе пологій скатъ, былъ посланъ унтеръ-офицеръ Носовецъ со взводомъ, чтобы огнемъ оттуда выбить японцевъ или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ замолчать. Но едва Носовецъ отдѣлился, какъ его встрѣтилъ огонь справа, уничтожившій весь взводъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ половина отряда выбыла убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ былъ подпоручикъ Юрьевского полка.

Впереди дорога шла въ тѣснинѣ, образованной обрывистыми берегами маленькой рѣчки. Рѣшили перебѣжать туда.

Но что это былъ за бѣгъ!..

Одни падали убитыми, другіе—ранеными, третьи—просто отъ изнеможенія.

Перебѣжавшіе кое-какъ приспособились и открыли огонь остатками патроновъ.

Между тѣмъ непріятель сталъ стрѣлять съ третьяго гребня, поражая насъ продолжно...

Но вотъ нашъ огонь начинаетъ слабѣть; уже стрѣляютъ нѣсколько человѣкъ... Вотъ смолкаютъ и они...

Патроновъ нѣтъ...

Послѣ непродолжительной паузы съ горъ сбѣжало роты четыре японцевъ, которая въ нѣсколько секундъ окружили и стали избивать неспособныхъ уже къ активному сопротивленію бывшихъ бойцовъ Тахентуня и только подоспѣвшіе офицеры удержали разгоряченныхъ подчиненныхъ.

Тутъ были взяты командиръ нашего полка, полковникъ Романовскій, подполковникъ Кременецкій и капитанъ Мсеньщиковъ, 10-го полка подполковникъ Ярошенко и капитанъ Бѣлоцерковецъ и 12-го Великолуцкаго—подпоручикъ Волковскій и около 70 нижнихъ чиновъ.

Шедшему впереди съ заставой капитану Шаравскому удалось проскользнуть черезъ тѣснину. Недалеко отъ насъ онъ замѣтилъ притаившихся за выступомъ горы 2-хъ офи-

церовъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ разныхъ частей. Не останавливаясь, онъ со взводомъ выбѣжалъ на равнину, гдѣ его встрѣтилъ огонь изъ нѣсколькихъ деревень. Пробѣжавъ нѣкоторое пространство, онъ въ изнеможеніи упалъ.

Рядомъ съ нимъ очутился поручикъ Никитчукъ, который, увидя, что спасенія нѣтъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ изъ рокового ущелья.

На равнинѣ подъ нимъ была убита лошадь и, едва онъ добѣжалъ до Шаравскаго, какъ ихъ окружили японцы и взяли въ плѣнъ. Нижнихъ чиновъ съ ними попало 25 человѣкъ.

Этотъ печальный финалъ произошелъ около 12 час. дня 26-го февраля, между тѣмъ какъ Циховичъ оставилъ отрядъ на разсвѣтъ, т. е. не позже 8 час. утра...

4 и 7 роты, съ аналогичными приключеніями и въ подобной же обстановкѣ, были захвачены съ 10 стрѣлковымъ полкомъ...

Эпизодъ со знаменемъ.

Оторвавшіеся по дорогѣ отъ общей колонны остатки 5 и 6 ротъ, подъ коман-

дой капитана Демина и штабсъ-капитана Гурскаго, замѣтивъ ошибку, направились въ предполагаемую сторону движенія переднихъ, но, двигаясь безъ дороги, естественно, сбились съ направленія.

Послѣ такихъ же ночныхъ мытарствъ, на разсвѣтѣ они вышли въ какую-то долину, гдѣ попали подъ перекрестный ружейный огонь, направленный въ нихъ съ окружающихъ горъ.

Сквозь утренній туманъ, шагахъ въ 500 въ долину слабо обрисовывались контуры, какъ потомъ оказалось, бивака японскаго гвардейскаго полка и штаба дивизіи.

Замѣтивъ между горъ небольшой проходъ, обстрѣливаемый, однако, непріателемъ, капитанъ Деминъ приказалъ штабсъ-капитану Гурскому съ 5-ой ротой защищаться со стороны долины, а самъ съ 6-ою ротою побѣжалъ черезъ этотъ проходъ, чтобы, проложивъ дорогу и занявъ тамъ позицію, дать возможность выйти 5-ой ротѣ, при которой было знамя.

По перебѣгавшей 6-ой ротѣ былъ открытъ убійственный огонь, такъ что изъ 60 человѣкъ благополучно перебѣжало лишь

17, въ томъ числѣ капитанъ Деминъ, остальные упали убитыми и ранеными.

Видя, что выхода уже нѣтъ, и что непріятелю можетъ достаться трофей, штабсъ-капитанъ Гурскій отдалъ приказъ знаменику, унтеръ-офицеру Лалуеву, уничтожить знамя, а самъ остался со своими людьми, которыхъ было около 50 человѣкъ, чтобы сдерживать огнемъ насѣдавшего противника.

Лалуевъ, съ назначенными къ нему унтеръ-офицерами Комисаровымъ и Квашеновымъ, быстро направился за бывшія тутъ китайскія могилы. На ходу онъ сорвалъ остатки полотнища и спряталъ ихъ за пазухой.

Конье, скобу и сломанное на три части древко онъ разсовалъ въ расщелины мерзлой земли и засыпалъ чѣмъ попало.

Въ это время одинъ за другимъ были убиты оба сопровождавшие его унтеръ-офицера, а самъ Лалуевъ — раненъ въ грудь навзлетъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ упалъ у китайской могилы.

Но вотъ онъ видитъ, что японцы уже близко... Они окружаютъ остатки роты, разстрѣлявшіе свои патроны... Онъ видитъ,

какъ обшариваютъ даже убитыхъ... Кто знаетъ, останется ли онъ живъ?.. Слабѣющею рукою онъ вытаскиваетъ остатки полковой святыни, ища мѣста, гдѣ бы ихъ спрятать... Онъ видитъ глубокій слѣдъ копыта, кладетъ ихъ туда и, царапая мерзлую землю, засыпаетъ твердыми комками земли и пылью...

У него нашлось еще настолько самообладанія и силы воли, чтобы отползти на нѣсколько шаговъ и тѣмъ отвлечь вниманіе японцевъ отъ мѣста, гдѣ было схоронено знамя. Черезъ нѣсколько мгновеній его тщательно обыскивали...

Въ заключеніе нашего повѣствованія обратимся къ судьбѣ двухъ лицъ, сыгравшихъ столь противоположныя роли для нашего полка.

Въ числѣ вернувшихся изъ плѣна былъ и выздоровѣвшій знаменщикъ, унтеръ-офицеръ Егоръ Лалуевъ.

Строгіе критики, разбирая его поступокъ, рѣшили, что знамя надо было спрятать (вѣроятно заранѣе?); что нельзя было такъ легкомысленно засыпать полковую святыню пылью, которую легко могъ сдуть

вѣтеръ, и герой ушелъ въ запасъ, какъ и всѣ участники послѣднихъ дѣйствій полка, безъ единой награды, въ полномъ сознаніи своей тяжелой вины передъ роднымъ полкомъ...

Оставивъ насъ, подполковникъ Циховичъ благополучно добрался до главной квартиры.

Правда, пользы онъ намъ никакой не приносилъ, но дѣло въ томъ, что онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ нашего тяжелого положенія, притомъ авторитетнымъ, — какъ бывший начальникъ отряда.

Его рассказамъ начальство придавало, вѣроятно, исключительное значеніе и, если кто полюбопытствуетъ, какой характеръ они должны были носить, пусть заглянетъ въ статью, — надо замѣтить, очень деликатнаго корреспондента, — г. Краснова, помѣщенную въ №№ 55 и 56 «Лѣтописи войны съ Японіей», изд. полковника Дубенскаго.

Можетъ быть тогда читатель пойметъ, что не изъ желанія замаскировать свою вину мы позволили себѣ не по-товарищески выставить несимпатичную дѣятельность под-

полковника Циховича: честь полка всецѣло оказалась въ рукахъ человѣка, которому нужно было оправдать, выражаясь осторожно, свою отлучку изъ погибавшаго отряда...

Для болѣе яснаго представленія о томъ, въ какомъ положеніи находился полкъ въ послѣдній моментъ, мы приводимъ здѣсь таблицу потерь за 24, 25 и 26 февраля. Пропавшіе безъ вѣсти, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, включены въ число убитыхъ.

№ роты.	Было 23-го въ Талентунѣ.	Убито.	Ранено.	Осталось здоровыхъ.
1 рота . . .	169	19	83	67
2 " . . .	167	25	77	65
3 " . . .	168	18	84	66
4 " . . .	160	4	35	121
5 " . . .	160	30	54	76
6 " . . .	171	11	60	100
7 " . . .	163	22	60	81
8 " . . .	175	47	114	14
Всего . . .	1333	176	567	590

Изъ числа 590 нижнихъ чиновъ, способныхъ носить оружіе, за ночь мы мно-

гихъ потеряли отсталыми (на 30 верстномъ, приблизительно, разстояніи). Изъ нихъ нѣкоторымъ удалось пройти на сѣверъ. Всѣ уцѣлѣвшіе офицеры, въ числѣ 10 человѣкъ, раздѣлили участь своихъ подчиненныхъ.

Раненые же наши, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, были захвачены японцами вмѣстѣ съ перевязочными пунктами.

*Офицеры 5-10 стрѣлковаго полка,
участники Мукденскихъ операцій.*

III-8572

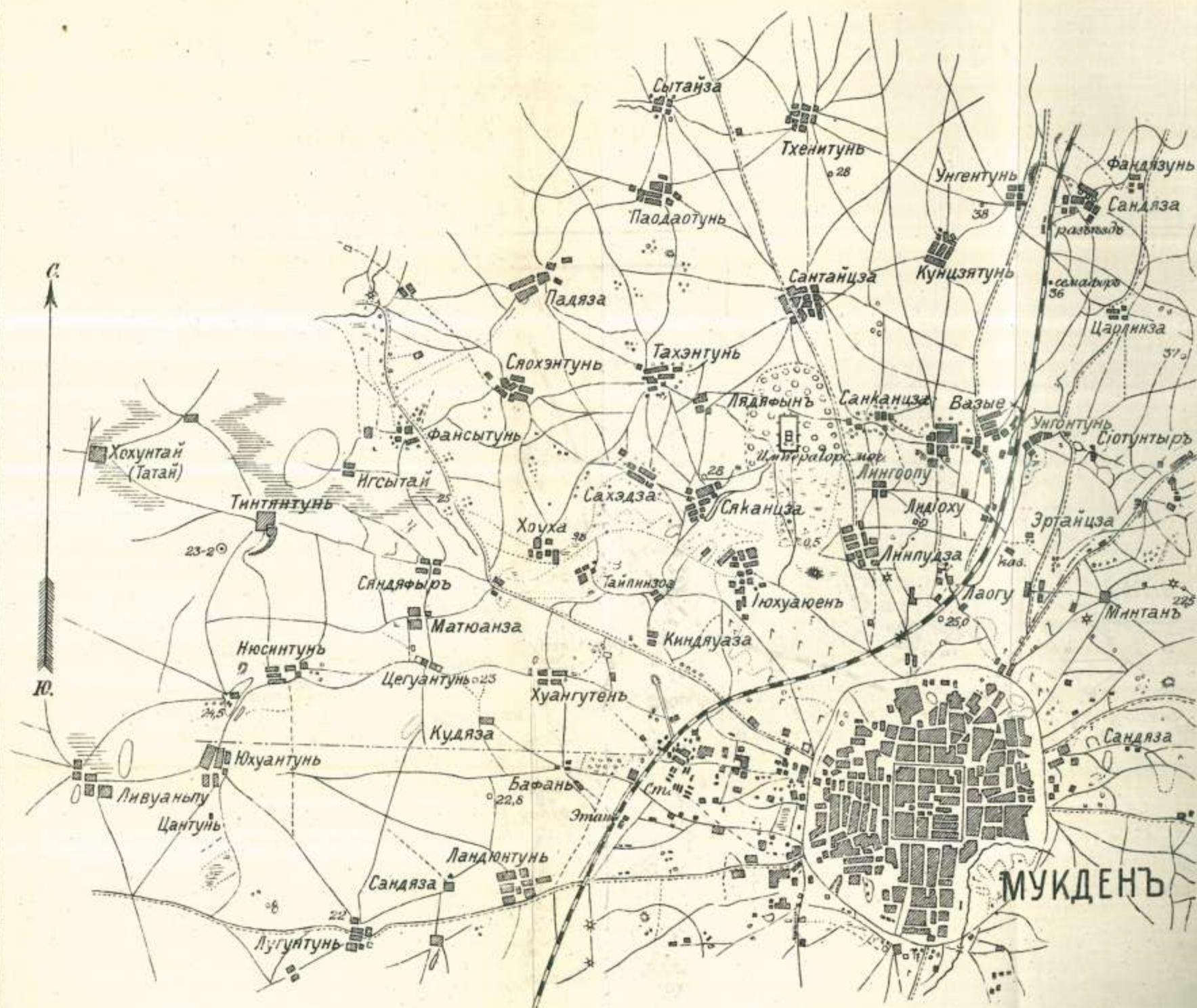
года,

11

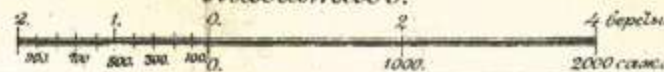

Кроки

района действий 5го стрелкового полка, с 21 по 26 февраля 1905 года,
во время Мукденского боя.

Масштабъ.

VII-8572

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Письма о войнѣ съ Японіей. **ЛЮДО-ВИКА НОДО.** Они не знали. Чья вина? Дурные признаки. Изъ записной книжки, 1-я и 2-я фазы сраженія. Военныя приключенія. Заключение. 328 стр. 1906 г. 1 р. —

Портъ-Артуръ его осада и капитуляція. Сост. **Эллисъ Ашмедъ БАРТЛЕТТЪ.** Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями генер. штаба полковника **А. М. Хвостова.** Спб. 1907 г. 3 р. —

Реорганизация китайской ар-МІИ. Переводъ китайскихъ документовъ французской службы капитана **ВОДЕСКА.** Краткій очеркъ новыхъ войскъ Китая (Лу-цзюнь). Съ французскаго перевелъ и очеркъ составилъ генер. штаба капитанъ баронъ **А. Арислофенъ.** 1907 г. — 75 к.

Лихунчжанъ или политическая исторія Китая. **За по-елѣднія 40 лѣтъ.** Сочиненіе **ЛАН-ЦИЧАО.** Перевели съ китайскаго **А. Н. Вознесенскій и Чжанчунтунъ.** Съ предисловіемъ **Чжанчунтума.** 1905 г. 2 р. —

Желтая опасность. Баронъ **О. Ф. ф. Менгденъ.** 1906 г. — 50 к.

ЗАКОНЧЕНО ИЗДАНИЕ
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
 НА СУШЬ И НА МОРЬ.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

СЪ ТЕКСТОМЪ,

излагающимъ всю исторію войны въ последовательномъ
 порядкѣ событій.

ИЗДАНИЕ

В. А. Березовскаго

ред.-изд. «Развѣдчика».

РЕДАКТОРЪ

М. Н. Фонъ-Критъ

подполковникъ.

ПРИ УЧАСТІИ ХУДОЖНИКОВЪ БАТАЛИСТОВЪ:

И. А. Владимірова, В. В. Иглицуса († командиръ броненосца «Князь Суворовъ»), И. Н. Каразина, М. И. Кравченко, И. И. Крылова, А. Г. Орлова, Н. С. Самонина, А. П. Сафонова, В. А. Табурина, О. Шарлеманя и др.

Издание состоитъ изъ восьми выпусковъ,

съ планами, схемами, картинами на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, художественно выполненныхъ въ два тона (автотипія «Dublex») и картинами въ краскахъ. Текстъ на вѣсеновой бумагѣ съ портретами участниковъ войны и множествомъ иллюстрацій, всего 240 страницъ текста альбомнаго формата $9\frac{1}{2} \times 7$ вершк., 753 портретовъ и рисунковъ и 56 отдѣльныхъ картинъ.

ЦѢНА ВСЕГО ИЗДАНІЯ въ 8 выпусковъ 15 р., съ перес. и упак. 17 р. Въ 2-хъ художеств. колѣн. пересл. 18 р., съ перес. и упак. 20 р. Отдѣльные выпуски продаются 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА допускается для частей и военно-служащихъ; деньги можно уплачивать ожемісячными взносами по 1 руб. черезъ казначеевъ.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

въ складъ В. А. Березовскаго,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Mapkin